

sche Wochenschrift, 1908, Bd. 29, S. 908-913; S t e p h a -
n i e P. Zur Echtheitsfrage des Dialogs Senecae ad Polybium.
de consolatione. Wien, Stuttgart, 1911, t. 34, S. 89-96.

⁶ Начало произведения утрачено.

⁷ Ср.: Pa.-Pl. Ad Apoll., 104, 6, A; Sen. Ad Marc., XI, I.

⁸ Ср.: Pa.-Pl. Ad Apoll., 105, 7, D-E; Sen. Ad Marc.,
XVIII, 8.

⁹ Ср.: Pa.-Pl. Ad Apoll., 106, 8, A-B; Sen. Ad Marc.
XII, 6-xv.

¹⁰ См. Sen. Ep., 74.

¹¹ О ш е р о в С.А. Сенека. От Рима к миру. - В кн.:
Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977,
с. 325-326.

¹² Ср.: Cic. Tusco. disp., III, II, 25: "... горе есть
вещь низкая, жадная, убогая, от которой надо спасаться так
скакать на всех парусах и веслах" (Пер. М.А. Гаспарова).

¹³ H a n i J. La consolation antique. - Revue des études
anciennes. 1973, vol. LXXV, p. 103-110.

¹⁴ Ср.: Sen., Ep. 63, 12: "... если скорби не прекра-
тит разум, ей положит конец время; однако для разумного чело-
века утомление скорбью - позорнейшее лекарство от скорби"
(Пер. С.А. Ошерова).

А.Б. Черняк

"ОТСРОЧЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ" (РЕТАРДАЦИЯ)
В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ
И ЕЕ РАЗВИТИЕ У ТАЦИТА

Рассматриваемая здесь проблема - не слишком серьезная, но
и не совсем малозначительная для писателя, чье творчество ис-
следуется сейчас с такой доскональностью и тщательностью.

располагается где-то между историей и тем, что обычно именуют
стилем. Первым, по-видимому, обнаружил ее эдинбургский классик
Киннос Уэлсли. Анализируя в 1969 г. достоинства и недостатки
Тацита как военного историка,¹ он обратил внимание на одну его
"неприятную особенность" (irritating habit): часто существ-
венная для определенного момента повествования информация при-
водится не там, где она, собственно, требуется, а в другом
месте, иногда для достижения определенного риторического эф-
фекта, а иногда и без этого оправдания. Порой интервал невед-
лик: в анн. 3, 42 мятеж травиров был подавлен их же соотечест-
венником Юлием Индом во главе отборного отряда (cum delecta
manu), а в главе 46 из речи Силия мы узнаем, что у Инда бы-
ла всего лишь одна ала; в анн. 6, 36 впервые появляется Месо-
потамия, а в следующей главе дается пояснение: "равнина между
знаменитыми реками Евфратом и Тигром". В других случаях про-
межутки значительнее: о том, что в первой битве при Бедрике
вся кавалерия вителлианцев была обращена в бегство двумя ото-
нианскими главами становится известным только из речи Антония
на военном совете воспасаианцев в Поетово, имевшем место четы-
ре месяца спустя.² "Причиной, по-видимому, является некоторое
безразличие к фактам, до тех пор пока они не могут быть ис-
пользованы для какой-нибудь элегантной антитезы или блистатель-
ной эпиграммы", - заключает английский исследователь.³

Из приведенных Уэлсли четырех примеров "отсроченной ин-
формации" (postponement of information), или, короче, ретар-
дации, два приходятся на прямую речь, два на авторский текст.
Мы рассмотрим каждую из этих двух групп отдельно, так как ре-
чи персонажей и собственно повествование имеют у историков
свою специфику и свою традицию - и начнем при этом с послед-
ней.

1. Ретардация в авторской речи. Помимо упомянутого выше
случая с Месопотамией, действительно напоминающего запоздалую
гlossу,⁴ К. Уэлсли справедливо обращает внимание на то, что точ-
ное описание расположения лагеря вителлианцев под Кремоной,
фигурирующего в ист. II, 31 и 41,⁵ мы находим только в ист.
III, 6. Число таких примеров можно умножить. В ист. II, 15, 2

Антоний отправляет на фуражировку под Кремону когорты вспомогательных войск, а из 19, 2 выясняется, что это были мезийские части с Вилстаном Мессалой во главе и что в фуражировке принимали участие и солдаты легионов.⁶ Описывая в ист. I, 23-25 подготовку заговора преторианцев против Гальбы, Тацит мог бы упомянуть, что среди сторонников Отона были не только солдаты, но и префект городских стражей Плотий Фирм (ср.: I, 46, 1) и даже сам консул Тит Виний (ср.: I, 42). В третьей книге "Историй" неоднократно фигурирует вольноотпущенник Цезаря Горм и всегда в довольно странной роли: в операции по захвату Атрии он выручает префекта Равеннского флота Луцилия Басса (13, 3); мы встречаем его среди командиров веспасианской армии и при штурме Кремоны (28, 1), но только из ист. IV, 39, 1, когда после занятия Рима ему даруется *dignitas equestris*, становится ясно, что речь скорее всего идет о доверенном лице Веспасиана, в свое время отправленном с письмом к паннонским и мезийским легионам (ср.: ист. II, 82, 3 и III, 3, 1). Наконец, смерть Германика излагается с массой подробностей в анн. 2, 73-75, но только в гл. 83 сообщается, что молодой император скончался не в самой Антиохии, где его тело было сожжено на форуме, а в пригороде Дафне.⁷

2. Ретардация в речи персонажей. Из ист. II, 36, 1 известно, что Антоний Прим при Нероне был уличен в подделке завещания и изгнан из сената; в ист. III, 13, 3 он характеризуется вителлианскими солдатами как изгнанник (*exul*). Это не риторическое преувеличение, как считают Э. Кестерманн (ср. его комментарий к анн. 14, 40, 3) и Г. Хейбнер (ср. примечание к ист. III, 13, 3): Помпею Юлиану были запрещены для проживания Италия и Испания лишь за то, что он знал о подлоге (анн. 14, 41, 1).

И в заключение любопытный пример смешанного типа. О моряках, которым Нерон пообещал службу в легионе, но не успел осуществить этого намерения, в первой книге "Историй" упоминается без малого четыре раза: в 6, 2 автор скупо сообщает, что при вступлении Гальбы в Рим было перебито несколько тысяч безоружных солдат; в 31, 2 он добавляет, что морской легион

(сформированный из таких же моряков при Нероне) был враждебен Гальбе за резню, учиненную над их сотоварищами; в 37, 2 Отон не забывает напомнить преторианцам о невинных жертвах жестокого императора, ранее обещавшего им пощаду, а в 87, 2 говорится, что избитие имело место около Мульвийского моста и что уцелевших Гальба велел взять под стражу.

Приведенный здесь материал, отнюдь не являясь исчерпывающим, все же дает представление об употребительности подмеченного Уэлсли приема. Отсрочка информации появляется у Тацита не так уж редко и не случайно, так что естественно задать вопрос о литературных предпосылках этого, на первый взгляд, в высшей степени своеобразного узуса.

Но где искать эти antecedенты? Античность, за исключением известного трактата Лукиана,⁸ не оставила нам ничего, что можно было бы назвать *ars historica*. Взамен у нас есть учебники риторики и поэтики. Сближение с ораторским красноречием тем очевидней, что Тацит был одним из самых выдающихся ораторов своего времени и, конечно, хорошо знал все тонкости и рецепты этого нелегкого искусства. Кроме того, существенно, что Цицерон считал историю всецело ораторским жанром.⁹ Мы вправе, таким образом, усматривать истоки тацитовского артистизма в расположении фактов, например, у неизвестного автора "Риторики к Гереннию", где рекомендуется в определенных случаях, в особенности когда слушатели утомлены, менять части речи местами;¹⁰ в Цицероновском "Бруте", содержащем яркую характеристику силы Антония в *dispositio* - втором разделе риторики;¹¹ в посвященной этому разделу седьмой книге "Образования оратора" Квинтилиана и в приведенном ранее совете не слишком считаться с реальной последовательностью фактов - с примерами из собственной практики.¹² Квинтилиан был старшим современником Тацита: он явился в Рим вместе с Гальбой в 69 г., а свой знаменитый труд опубликовал при Домициане. Там, между прочим, говорится, что история есть некоторым образом "поэзия в прозе".¹³ Это утверждение несомненно должно было обратить внимание Тацита (или скорее наше) на трактаты о поэтике, нам не придется долго искать, так как уже *ars poetica* Горация содержит анало-

гичную рекомендацию.¹⁴ Образцом Горация, по-видимому, был Гомер, первый учитель античности; на него в связи с *dispositio* ссылается не только Квинтилиан,¹⁵ но и друг Тацита Плиний Младший¹⁶ (имеется в виду "Одиссея", чья композиция удивляла древних).¹⁷ Вероятно, аналогичные предписания Тацит мог найти и в несохранившихся сочинениях античных риторов, о содержании которых мы можем только догадываться.¹⁸

Из вышесказанного следует, что античная риторика не стесняла историков требованиями строгой хронологической и тематической последовательности при изложении событий. Неудивительно поэтому, что, по крайней мере, в отношении речей (*orationes*, *λόγοι*) мы располагаем достаточным числом примеров. Фукидид начинает посвященную сицилийской экспедиции афинян шестую книгу своей "Истории" обстоятельным описанием Сицилии (гл. I-6), но весьма существенные подробности касательно военной мощи Сиракуз и их союзников, ситуации внутри самих греческих полисов и их отношений с соседями (греки были далеко не единственными обитателями этого многоязычного острова) он оставляет для речей Никия и Аликмеида перед афинским народным собранием (гл. I7, I-7; 20-23). Другой случай: Диодор в кн. XV, гл. 7 своего исторического труда, повествуя о социальной политике Дионисия Старшего (он следует здесь отличному источнику - современнику и другу тирана Филисту) упоминает о конфискации имущества недовольных и о привлечении неополитов на место изгнанников, а в произнесенной десять лет спустя речи Теодора прямо говорится, что жен и дочерей репрессированных тиран отдавал рабам, и этот факт подтверждают Эней-тактик и Полиэн.¹⁹ И в "Анабасисе" Ксенофонта ряд сведений о подробностях борьбы Кира с Тиссаферном и о персидских проблемах в Малой Азии мы узнаем в дополнение к изложенному в самом начале (I, I) только из последующих речей; ср.: I, 6, 6-7 (суд над Оронтом), II, 5, 13 (Клеарх), III, 2, 23-4 (сам Ксенофонт), а также I, 9, 14 (некролог Кира). Подобных примеров, вероятно, можно найти и больше; из самого существования прямой речи как неотъемлемой части греческой истории с необходимостью следует, что в ней должны были располагаться не только мнения участников событий, но и какие-то новые факты,

например, в целях оживления рассказа. Эллинистические историки, стремившиеся как можно более индивидуализировать речь персонажей,²⁰ не могли не обратить внимания на открывающиеся здесь возможности. У римлян этот прием встречается уже у Саллюстия, ср. *Bell. Jug.*, 9, 4-II, 2 (смерть Миципсы) и I4, 12 (речь его сына Адгервала в сенате). Таким образом, тацитовская техника отложенной информации в значительной степени опирается на весьма давнюю традицию, остававшуюся скрытой для нас лишь потому, что из нее по определенным причинам выпадает Ливий.

Иначе обстоит дело с авторской речью. Здесь тацитовская отсрочка информации почти не находит аналогий, хотя противоположный ей прием (кстати, тоже очень характерный для нашего автора)²¹ - антиципация событий (пролепсис) - широко представлен у того же Фукидида (напр., 6, 15, 3 (Алкивиад), 8, 27, 5-6 (Фриних)), а из римлян, скажем, - у Лукана. Конечно, можно указать на "Анабасис" Ксенофонта, где Кир заставляет персидских вельмож вытаскивать из грязи какие-то телеги (I, 5, 7), о которых лишь много спустя сообщается, что на них был прозябант, предназначенный в случае крайней нужды для греческих наемников и что этих повозок было четыреста (I, 10, 16). В третьей книге "Фарсалии" Юлий является во сне Помпею, чтобы сказать своему мужу, что он напрасно пытается разорвать железом связывающие их узы (*Luc.*, III, 33 - *Abscidis frustra ferro tua pignora*): из I, 474 и IX, 1049 становится ясным, что речь идет не только об их горячей взаимной любви, но и о детях, внуках Цезаря, которых та родила ему и которые прожили недолго (последний стоил жизни матери). Но оба эти примера являются изолированными и носят, по-видимому, случайный характер. Мы можем, таким образом, сделать вывод, что Тацит пошел значительно дальше своих предшественников и что только у него "отсроченная информация" получает, так сказать, права гражданства, из сравнительно узкой и сугубо риторической сферы речей проникая непосредственно в авторское повествование и, при всей своей численной незначительности (в данный момент мы располагаем всего лишь десятком примеров), еще более увеличивая литературную изысканность и без того очень сложной прозы.

Подмеченная К. Уэлсли любопытная особенность не только показывает нам Тацита как выдающегося стилиста-новатора (в этой роли он выступает неоднократно), но и, как всегда в таких случаях, позволяет бросить любопытный взгляд на малодоступную "таинную творчество". Разумеется, не так уже много откроется нам с этой новой точки, но уже простой арифметический подсчет ретардаций обнаружит их преобладание в "Историях" (7 примеров) по сравнению не только с "Агриколой" (отсутствуют), но и с "Анналами" (3 случая), а отсюда - вывод, что "Истории" в общем цельнее²² и риторичнее (в них, кстати, гораздо больше прямой речи, в "Анналах" сменяющейся косвенной). Обстоятельный литературовед непременно обратит внимание на то, что число повторных упоминаний типа *ut (supra) memoraui (mae)* или *ut (supra) rettuli (mae)* значительно превышает число ретардаций (по словарю Гербера-Грифа на "отсылки" приходится соответственно 35 и 24 примера): таким образом ткань, по которой Тацит вышивает свой прихотливый узор, имеет довольно прочную основу (но прочнее в "Анналах" (28 и 19), чем в "Историях" (соответственно 7 и 5)²³). А историки могут сделать для себя вывод, что за исключением единственного случая в одном из ранних произведений (*Agri. 6, 2 incensae coloniae*) у Тацита ничего нельзя объяснять риторическими преувеличениями: наш автор отбирает, а не выдумывает свои факты. Правда он не всегда помещает их там, где бы мы их ожидали, что при его нелюбви к повторам доставляет читателю известные затруднения, но как раз в этой суверенной свободе композиции, в новое время давно уже отобранной у летописцев в пользу ее первых владельцев - писателей и поэтов,²⁴ и состоит один из секретов очарования тацитовской прозы, имеющей мало себе равных в истории как античной, так и мировой литературы.

Примечания

I См.: Wellesley K. Tacitus as a military historian. - In: Tacitus / Ed. T.A. Dorey. London, 1969, p. 63-97.

² Ср.: Hist., II, 41, 2 и III, 3, 4.

³ См.: Wellesley K. Tacitus as a military historian, p. 71.

⁴ Ср.: Hist., II, 78, 4 (*haud dubia destinatione discessere Mucianus Antiochiam, Vespasianus Caesaream: illa Suriae, hoo Iudaeae caput est* - пример обычной географической глоссы).

⁵ Сюда же относится и упоминаемый в ист. II, 26 лагерь Цезины под Кремоной; см.: Hardy E.G. Studies in Roman history. Second series. London, 1909, p. 183. Г. Хейбнер (см.: P. Corn. Tacitus. Die Historien. Kommentar von H. Heubner. Heidelberg, 1968, Bd. II), посвящая битве при Касторах пространный исторический экскурс (с. 99-104), обходит этот важный пункт молчанием, но ср.: P. Corn. Tacitus. The histories / Ed. by K. Wellesley. Sidney, 1972, book III, p. 203.

⁶ Последний факт вытекает уже из самого появления Мессалы: ведь он в этот момент командовал Седьмым Клавдиевым легионом (ср., ист. II, 85, 2 и III, 9, 3), который он вряд ли целиком оставил строить лагерь. К. Уэлсли в комментарии к I 5, 2 предполагает, что на фуражировку были посланы паннонские когорты, а мезийцы оставались в лагере, откуда вышли на помощь вместе с какими-то легионерами по сигналу тревоги Антония; ср. I 6, 2. Это маловероятно ввиду того, что Антоний в момент столкновения конницы находился на расстоянии 8 римских миль от лагеря (ср. I 5, 2), прикрывая фуражиров. Успеть к месту решающего сражения (18 миль от лагеря, 4 от Кремоны; ср.: Wellesley K. Tacitus as a military historian, note to ch. I 5, 2) легионеры никак не могли, если только они уже с самого начала не были где-то поблизости от Антония. Аналогичный смешанный отряд пелтастов и гоплитов в очень сходной ситуации заведительствован у Ксенофонта (*Anab., V, 2, 4*); существеннее, правда, были бы римские параллели.

⁷ Липсий исправил в свое время рукописное *epidaphne* на *epidaphne*, но такого места нет: город со знаменитым храмом

Аполлона, возле которого Антиох Великий основал свою столицу, носит имя "Дафне". Скорее всего какой-нибудь античный читатель решил найти незнакомое ему название на карте и, обнаружив там *Antiochia Epidaphnea* (ср.: *Plin., Nat., V, 79*), принял эпитет за искомый город. Предислагать здесь ошибку автора, как это делает Р. Сейм (см.: *С у м е R. Tacitus. Oxford, 1966, vol. II, p. 747-748*), явно преждевременно: римский сенатор и проконсул Азии не мог не знать, как называется один из самых модных курортов Империи.

⁸ Об утраченном трактате Теофраста и других не дошедших до нас произведениях этого рода см.: *Л е е м а н A.D. Oratoria ratio. Amsterdam, 1963, p. 172-173*.

⁹ См.: *Cic., De leg., I, 5: quippe cum sit orus ... oratorium maxime; of. de orat., 2. 62-64; Л е е м а н A.D. Oratoris ratio, p. 171-2*.

¹⁰ См. *Rhet. ad Her., III, 17*.

¹¹ См.: *Cic., Brut., 139: Omnia veniebant Antonio in mentem, eaque suo quaeque loco, ubi plurimum proficere et valere possent, ut ab imperatore equites, pedites, levis armatura, sic ab illo in maxime opportunis orationis partibus collocabantur* (цит. по: *Л е е м а н A.D. Oratoris ratio, p. 69*). Красивая и очень римская военная метафора встречается уже в *Rhet. ad Her., III, 18: Haec dispositio locorum, tanquam instructio militum, facillime in dicendo, sicut illa in pugando parere poterit victoriam*.

¹² См.: *Quint. instit. orat., IV, 2, 82 sqq.* и ранее *IV, 2, 48; Ку з н е с ц о в а Т.И., Ст р е л ь н и к о в а И.И. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1975, с. 201*.

¹³ *Ibid., X, 1, 31: etenim proxima poetis et quodammodo carmen solutum est*.

¹⁴ См.: *Her. ars post., 42-5: ordinis haec virtus erit et vensus, aut ego fallor, ut iam nunc dicat iam nunc debentia dici, pleraque differat et praesens in tempus mittat*.

¹⁵ См.: *Quint. instit. orat., VII, 10, II: ubi ab initis incipiendum, ubi more Homero a mediis vel ultimis*.

¹⁶ См.: *Plin. Epp., III, 9, 28: succurrit quod praeterieram ... sed, quamquam praepostere, reddetur: facit hoc Homerus multique illius exemplo* (повод для этого глубокомысленного замечания совершенно ничтожен: Плиний хочет доавить еще одну мелочь к только что составленному описанию выигранного накануне процесса).

¹⁷ См.: *L a u s b e r g R. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960, S. 317, 452; Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 442-3*.

¹⁸ См.: *L u c i a n. Quomodo histor. conscrib., 50-51* и особенно 56, где дается совет опускать малозначительные подробности. Лукиан здесь, без сомнения, опирался на предшествующую традицию. Ср.: *A v e n a r i u s G. Lukians Schrift zur Geschichtsschreibung. Weisenheim; Glan, 1956, p. 127-130*, где приводится список параллелей.

¹⁹ На сицилийские пассажи обратил мое внимание Э.Д. Фролов.

²⁰ См.: *W a l b a n k F.W. Speeches in Greek historians. Oxford, 1965 (Mure's memorial lecture), p. 5* (Каллисфен).

²¹ Об антиципации у Тацита см.: *W a l k e r B. The annals of Tacitus. Manchester, 1952, p. 35 ff.* Она очень часто встречается, например, в первых книгах "Историй".

²² Информация нередко переводится из книги в книгу (см. выше, с. 226-227 наст. статьи). По-видимому, первые книги "Историй" были написаны довольно быстро одна за другой. Иначе объясняет К. Уэлсли в примечании к ист. III, V, 2 (1972).

²³ С этим надо, по-видимому, соотносить и указания Барбары Уолкер (см. выше, прим. 21), что антиципаций, также служивших связи повествований, больше в "Анналах", чем в "Историях". См.: *G e r b e r A., G r e e f A. Lexicon Taciteum. Leipzig, 1901, s.v.*

24 "Факты интересны тогда, когда их не обязательно при-
держиваться" (Г р а н и н Д. Эта странная жизнь. М., 1974,
с. 3).

И.В. Вулик

СКАЗОЧНЫЕ ЧЕРТЫ ПЕЙЗАЖЕЙ
В "МЕТАМОРФОЗАХ" ОВИДИЯ

И.И. Толстой убедительно показал в своих исследованиях, посвященных античной литературе, какую важную роль играли фольклорные мотивы и образы в поэмах Гомера, в древнегреческой лирике и в эллинистической и римской поэзии. Ввиду того, однако, что памятники античного народного творчества до нас не дошли, важное значение имело привлечение западноевропейского и русского фольклора, стадийно близкого античному. Впервые в истории мировой классической филологии И.И. Толстой широко использовал в своих работах русскую народную сказку при анализе античных памятников. Метод, которым он пользовался, чрезвычайно плодотворен и может быть применен даже к такому, казалось бы, изысканно литературному памятнику, каким являются "Метаморфозы" Овидия.

Мне уже приходилось указывать на то, что многие герои этой поэмы чрезвычайно близки к сказочным персонажам (Кирка, Пик, Кейкс и Галкиона, Латона и др.).¹ В данной работе мне хотелось бы показать, что и самый пейзаж, вернее, отдельные его компоненты, часто выполняют у Овидия функции, близкие к сказочным. Пейзажи в "Метаморфозах" глубоко своеобразны и отличны от пейзажных зарисовок в литературе нового времени. Д.С. Лихачев обратил внимание на то, что пейзажные элементы в волшебных сказках всегда динамичны и никогда не выступают в роли простого фона, на котором происходит действие.² Столь же динамичны и картины природы в "Метаморфозах". Близость поэмы Овидия к волшебной сказке в этой сфере еще не была отмечена в классической филологии, а между тем речь пойдет не о периферийных, второсте-